

Три часа ночи. В секторе Б ремонтного ангара горела лишь одна лампа. Холодный белый свет падал на ящики с деталями, словно покрывая металл инеем.

Кайс уложил последний болт в ячейку С1 и тихо захлопнул крышку. Он поднялся, чувствуя, как затекли ноги, и взглянул на свои руки. Перчатки давно забрали, кожа на ладонях, обожженная при работе, полопалась. Кровь смешалась с машинным маслом, запекаясь на кончиках пальцев темными пятнами.

Он достал из сумки с инструментами копию графика дежурств. Края бумаги обтрепались, а длинная черта, перечеркивающая его имя, все еще была отчетливо видна. Кайс смотрел на нее пару секунд, затем медленно сложил листок и спрятал в нагрудный карман, прижав ладонью, словно проверяя, на месте ли он.

Прислонившись к стойке меха, он на мгновение прикрыл глаза. В голове звучали последние слова Лин Е: Завтра в шесть утра, теоретическое занятие. Голос был холодным, как лед, но, по крайней мере, наказание не продлили. Кайс открыл глаза, уголки губ дернулись, пытаясь улыбнуться, но не вышло. Он лишь тихо пробормотал:

— А ты ведь не забыл про отметку в шесть утра.

Он вспомнил, с какой силой Лин Е сжал его запястье. Не слишком сильно, но и без нежности. В этом жесте, когда тот проверял рану, было что-то... словно привычка. Кайс снова посмотрел на свои ладони, вспоминая новый гаечный ключ, который тот бросил в его сумку перед уходом.

— Он взял его не просто так, — прошептал Кайс сам себе. — Он принес его специально для меня.

Тот твердил: Кто тебе помогает, тот пусть с тобой и остается, но ведь мог просто уйти. Вместо этого он вернулся. Не чтобы отчитать или нагрузить новой работой, а просто проверить, не отлынивает ли он.

— Ты и правда так строго следуешь правилам, — Кайс прислонился к опоре, голос его охрип. — Но чем строже ты их соблюдаешь, тем меньше у меня шансов уйти.

Он зажмурился, пытаясь подавить беспокойство, вызванное инстинктами альфы. Феромоны бурлили внутри, сдерживаемые блокатором на шее, отчего кожа горела. Он не мог их выпустить, не смел. Стоит показаться малейшему колебанию, и его личность будет раскрыта. Сейчас он всего лишь техник, а не молодой господин из дома Аресов, и уж тем более не тот мерзавец, который десять лет назад при всех разорвал брачный контракт.

Ирония в том, что человек, которого он больше всего хотел видеть, сильнее всего ненавидел фамилию Арес.

Кайс помнил взгляд Лин Е во время инструктажа: когда тот увидел имя Арес, его зрачки сузились, словно от укола иглой. В тот миг в его глазах было столько отвращения, что это ранило больше любых криков.

— Ты не знаешь, что это я, — подумал он. — Ты знаешь лишь, что в твой отряд пробрался отпрыск семьи Арес, но не догадываешься... что это тот самый мерзавец.

Кайс открыл глаза, достал из потайного кармана сумки тонкую карту памяти, ногтем слегка надавил на край, и по пластику пошла трещина. Он вставил ее в портативное устройство, экран засветился, и началось воспроизведение.

На записи — роскошный зал. Одиннадцатилетний Кайс в парадном костюме стоит на сцене с брачным контрактом в руках. Зал полон людей. Камера скользит по толпе и останавливается на маленькой, хрупкой фигурке: Лин Е стоит в углу в нелепом, великом ему костюме, лицо бледнее мела.

— Этот бета? Разве он достоин быть моим супругом? — маленький Кайс рассмеялся и разорвал бумагу на глазах у всех.

На записи Лин Е развернулся и ушел, его спина была прямой, как натянутая струна.

Кайс нажал на паузу, долго глядя на этот силуэт, а потом прошептал:

— Если бы я тогда этого не сказал, ты бы хоть раз обернулся на меня?

Он не стал удалять запись, а перемотал чуть дальше.

Съемка с камер наблюдения спустя несколько дней: Лин Е сидит один в комнате приюта, в руках — обрывок сгоревшего контракта. Он не плакал, не двигался, просто сидел так до самой темноты.

— Ты правда его сжег, — голос Кайса звучал почти как шепот. — А я не стал. Я хранил его, прятал под подушкой, пока дворецкий не нашел и не отобрал, чтобы сжечь.

Он выключил устройство, сунул карту в миниатюрный утилизатор и нажал кнопку. Вспыхнуло синее пламя, превращая карту в пепел.

— Я здесь не для того, чтобы валять дурака, — сказал он пустому ангару. — Я пришел, потому что только здесь сохранились записи по обслуживанию того самого меха.

Тот мех был тренировочной моделью МК-3-07, которую они собирали вместе в детстве. Позже ее разобрали и отправили на хранение, и лишь в архивах Девятого отряда остались исходные

данные. Кайс полгода потратил на то, чтобы выяснить, что доступ к ним есть у Лин Е.

— Даже если ты выгонишь меня десять раз, я приду в одиннадцатый, — он выпрямился и размял запястье. — Пока контракт не расторгнут, у меня есть шанс.

Он собрал инструменты и задвинул ящик на место. Проходя мимо душевой, он зашел внутрь и встал под ледяную воду. Она хлестала по ранам, от боли он прикусил губу, но не издал ни звука. В зеркале он увидел, что края блокатора на шее отошли, а кожа вокруг покраснела. Он сорвал старую наклейку и приклеил новую, пальцы при этом слегка подрагивали.

Переодевшись в чистую робу, он заново сложил сумку. Новый гаечный ключ он положил в самый верхний карман, чтобы легко было достать. Взглянул на время: пять двадцать три.

Тридцать семь минут до отметки.

Он вышел из сектора Б. Коридоры были пусты, лишь лампа под потолком изредка мигала. Идя по главному проходу к общежитию, он взглянул на окна командной башни. Шторы задернуты, свет не горит.

— Завтра ты наверняка снова будешь меня ругать, — думал он на ходу. — Может, даже при всех раскроешь мою личность и выставишь вон с базы.

Он не замедлил шаг.

— Но ты не выгонишь меня. Потому что ты сам установил правила и обязан им следовать. Я сказал, что буду чинить мех, значит, ты обязан позволить мне это делать. Пока я не нарушаю военный устав, ты не имеешь права меня тронуть.

Он вдруг что-то вспомнил, достал из кармана копию графика и еще раз взглянул на нее. Царапина проходила прямо по имени Кайс Арес, словно приговор.

Он усмехнулся, и на этот раз искренне.

— Ты вычеркнул мое имя, но я все равно пробрался внутрь, — он сложил бумагу и убрал обратно. — Более того, инструментов я принес куда больше, чем ты думаешь.

Он не сказал, что в потайном отделении сумки спрятан документ — план модернизации МК-3-07, который он совершенствовал три года. Как только Лин Е позволит ему прикоснуться к этому меху, он докажет, что не является никчемным отпрыском, попавшим сюда по блату.

Он докажет, что он... единственный, кто может его починить.

У входа в общежитие он остановился и посмотрел в небо. На горизонте забрезжил серый рассвет, звезды еще не успели погаснуть.

— Ты ненавидишь фамилию Арес, — тихо сказал он. — Но ты не знаешь, что молодой господин Арес с одиннадцати лет ненавидит сам себя.

Он повернулся, собираясь войти, как вдруг позади послышался легкий металлический лязг.

Оглянувшись, он увидел, что застежка сумки расстегнулась, и новый гаечный ключ наполовину высунулся наружу, едва не упав на пол.

Он поспешно застегнул сумку, поправил ключ и задержал пальцы на ремешке.

— Раз ты дал его мне, я его оставляю, — сказал он. — До тех пор, пока ты не захочешь выслушать то, что я должен сказать.

Он вошел в здание, его шаги гулко отдавались в пустом коридоре. Пять пятьдесят одна, до отметки девять минут.

Стоя у двери своей комнаты, он достал ключ и вставил в замочную скважину.

Щелк.

Дверь открылась.

Он вошел, закрыл за собой, положил сумку на стол и первым делом достал копию графика, спрятав ее под подушку.

Затем сел, закрыл глаза и начал медитировать.

Ровно в шесть прозвенел сигнал сбора в секторе А.

Кайс открыл глаза, встал и накинул куртку. Подойдя к зеркалу, поправил воротник, убедился, что блокатор на месте, подхватил сумку и направился к выходу.

На пороге он на мгновение замер.

— Сегодня ты будешь еще злее, — сказал он пустому коридору. — При всех потребуешь, чтобы я убирался.

Он шагнул за порог.

— Но я не уйду.

<http://bllate.org/book/18720/1809462>